

Семейная книга, родовая келья: скитские технологии самосохранения в период урбанизации

Елена Е. Дутчак

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Российская Федерация

В статье анализируются стратегии адаптации сибирских староверов часовенного и страннического согласий к внутрирегиональным миграциям 1950–1980-х гг. На примере общин, локализованных в сельских районах Республики Тыва и Томской области, рассматриваются технологии солидаризации разновозрастного и пространственно рассредоточенного между таёжным скитом, деревней и городом религиозного коллектива и моделируются процессы пролонгации монашеских установок в структуре семейных ценностей.

Методологическим основанием исследования выступают: а) концепция «проживаемой религии» (lived religion), фокусирующаяся на повседневных, пластичных состояниях конфессиональной идентичности; б) аналитическая программа материального поворота (material turn), раскрывающая влияние предметных миров на социальную, интеллектуальную и эмоциональную активность индивидов и групп. Источниковую базу исследования составили старообрядческие агиографические, мемуарные и генеалогические нарративы; публицистические и делопроизводственные материалы; владельческие записи на книгах и исследовательские полевые интервью.

Исследование призвано проверить гипотезу о наследовании семейного имущества, ассоциируемого с религиозной идеей, как инструмента межпоколенческой трансляции традиции пустынножительства. Выявлено, что появление родовых келий и заимок определили исторические особенности расселения старообрядческих групп в таёжной зоне и взаимозависимость монашеских и крестьянских хозяйств. Описана технология приобщения мирян к операциям с богослужebной и вероучительной книгой, охарактеризованы результаты её использования для удержания «старых» скитских династий, создания «новых» и наращивания ресурса для формирования «будущих».

Анализ сетевых отношений скита с ближним и дальним окружением, «своими» и «чужими» показал, что основой для воспроизводства монашеских институций в условиях оттока молодёжи, социальных и мировоззренческих трансформаций становятся делегирование ему функции держателя родовых «мест спасения» и хранителя семейных «намоленных» книг.

Ключевые слова: старообрядческий скит; часовенные; странники; Обь-Енисейский регион; Тува; Томская область; монашество; религиозное воспитание; христианская книга; кириллическая традиция

Исследование проведено при поддержке Российского научного фонда, проект № 23-78-10119. <https://rscf.ru/project/23-78-10119/>

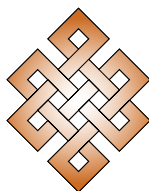
Для цитирования:

Дутчак Е. Е. Семейная книга, родовая келья: скитские технологии самосохранения в период урбанизации // Новые исследования Тувы. 2025. № 4. С. 91–106. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.6>

Дутчак Елена Ерофеевна — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. Адрес: 634050, Россия, г. Томск, пр. Ленина, д. 36. Эл. адрес: dee010@mail.ru

DUTCHAK, Elena Erofeevna, Doctor of History, Professor of Department of Russian History, Faculty of Historical and Political science, National Research Tomsk State University. Postal address: 36 Lenina Av., 634050, Tomsk, Russia. E-mail: dee010@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5284-6054

Family book, ancestral cell: skete technologies of self-preservation in the period of urbanization

Elena E. Dutchak

National Research Tomsk State University, Russian Federation

The article analyzes the adaptation strategies of Siberian Old Believers of the Chapel and Wanderer confessions to intraregional migrations of the 1950s–1980s. Using the example of communities located in rural areas of the Republic of Tuva and the Tomsk Region, the author examines the technologies of solidarity within a religious collective that was differentiated by age and spatially dispersed between the taiga skete, the village, and the town, and he models the processes of prolonging monastic principles within the structure of family values.

The methodological framework of the study includes a) the concept of lived religion, which focuses on every day, fluid states of confessional identity; and b) the analytical program of the material turn, which highlights the influence of material worlds on the social, intellectual, and emotional activity of individuals and groups. The source base consists of Old Believer hagiographic, memoir, and genealogical narratives; journalistic and administrative materials; ownership notes in books; and field interviews conducted by researchers.

The study aims to test the hypothesis that the inheritance of family property associated with religious ideas serves as a tool for the intergenerational transmission of the hermitic tradition. It has been revealed that the emergence of family cells and taiga settlements determined the historical features of Old Believer resettlement in the taiga zone and the interdependence of monastic and peasant households. The article describes the practices of involving laypeople in operations with liturgical and doctrinal books and characterizes the results of their use in maintaining “old” skete dynasties, creating “new” ones, and expanding resources for the formation of “future” ones.

An analysis of the network relations of the skete with its near and distant environment, with both “own” and “others”, demonstrated that the reproduction of monastic institutions under conditions of youth outmigration and socio-ideological transformations is based on the delegation to the skete of the function of custodian of family “places of salvation” and keeper of family “prayed-over” books.

Keywords: Old Believer skete; Chapel confession; Wanderer confession; Ob-Yenisei region; Tuva; Tomsk Region; monasticism; religious upbringing; Christian book; Cyrillic tradition

Financing

The study was conducted with the support of the Russian Science Foundation, project No. 23-78-10119. <https://rscf.ru/roject/23-78-10119/>

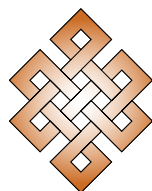
For citation:

Dutchak E. E. Family book, ancestral cell: skete technologies of self-preservation in the period of urbanization. *New Research of Tuva*, 2025, no. 4, pp. 91–106. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.6>

Введение

Советская программа урбанизации поставила сельское староверие перед типологически новым вызовом: возрастающий с 1950-х гг. отток деревенской молодёжи¹ дополнился явным или скрытым нежеланием получивших образование и работу в городах наследовать семейные традиции. Быстро-течность и необратимость этих трансформаций уже в 1970-е гг. отразились в научной типологии районов археографических поисков, в основе которой лежала установленная зависимость между

¹ В 1959 г. удельный вес детей, юношества и молодёжи в структуре городского населения национальных автономий Южной Сибири составлял 59,5%, что превышало аналогичные показатели по РСФСР на 4,6% (Тиникова, 2019: 78). В Томской области как регионе с преобладающим русским населением в 1961–1978 гг. из сёл ежегодно выезжало 22000–25000 чел. (Усольцева, 2018: 175).

демографическими показателями старообрядческих общин, их старением и сокращением, и лёгкостью получения государственными хранилищами принадлежавших им рукописных и печатных книг (Поздеева, 1978).

Наиболее остро эти изменения должны были ощутить старообрядческие течения, не имеющие священства и внешних инструментов дисциплинирования разновозрастных и пространственно рассредоточенных религиозных коллективов, и исследования 1990-х гг. констатировали движение их некогда богатой литературной культуры к упрощённым, устным формам (Смилянская, 2013). На этом фоне сохранение скитских династий тувинских часовенных и томских странников¹ выглядит противоречащим магистральной тенденции и свидетельствует о резистентности принятой ими модели физического и ментального перехода от профанного к сакральному — из деревни/города в скит, от мирского состояния к монашеству.

Детализации стратегий адаптации общин староверов часовенного и страннического согласий к внутрисибирским миграциям 1950–1980-х гг., их технологиям групповой солидаризации и пролонгации монашеских установок в структуре семейных ценностей — посвящена настоящая статья.

Гипотеза, методологические рамки и источниковая база исследования. Полевые исследования, начатые автором в 1987 г. в Томской области (Дутчак, 2019: 33), позволяют предположить, что межпоколенческая трансляция установки на пустынножительство обретает устойчивые формы лишь в том случае, если наследование конфессиональной идеи сопровождается передачей ассоциируемого с ней семейного имущества: богослужебных и вероучительных книг, жилых строений (келий и заимок), возведённых при финансовом и трудовом участии родственников.

Наблюдение показывает религиозную мотивацию как образованную вербальными, материальными и акциональными компонентами и обращает к теоретико-методическим подходам, имеющим инструментарий для оценки интегрированности монашеской группы в светские сети владельческих прав, имущественных обязательств, реальных и символических обменов.

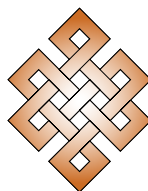
Первый подход представлен концепцией «проживаемой религии» (*lived religion*), манифестирующей отказ от описания стабильных состояний конфессиональной идентичности и предлагающей изучать её повседневные, не полностью структурированные воплощения (Недзведзь, 2016; Knibbe, Kupari, 2020). Применительно к скитским сообществам, локализованным в природной зоне с аграрно-промышленным характером расселения, такая переориентация позволяет различать монашеские идентичности, обрётённые в силу домашнего воспитания и в ходе ситуативного, заданного хозяйственной нишей выбора.

Второй подход фундирован программой материального поворота (*material turn*) и тезисом о способности предметных миров направлять социальную и интеллектуальную активность людей, видоизменять их эмоциональные и трансцендентные практики (Социология вещей..., 2006; Соколовский, 2017). Его принятие делает несущественными вероисповедные различия старообрядческих течений и переносит акцент на общие принципы формирования чувства принадлежности к сакральным локусам, в том числе посредством оперирования вещей с эксплицитным и имплицитным религиозным значением.

Сочетание подходов создаёт аналитическую рамку для описания старообрядческой общины периода урбанизации как открытой социальной системы, потенциал самовосстановления которой определяли исторически сложившиеся формы объединения её монашеского и мирского сегментов. В настоящем исследовании она реализована в следующих задачах: 1) характеристика семейно-экономических особенностей религиозного коллектива, делегирующего скиту функцию держателя родовых «мест спасения»; 2) реконструкция сетевых отношений скита как хранителя «намоленных» книг, действием которых воспроизводились «старые» династии, создавались «новые» и наращивался ресурс для формирования «будущих».

Источниковая база исследования включила в себя корпуса данных, генетически связанных со скитами староверов часовенного и страннического согласий на территориях Республики Тыва и Том-

¹ Исторически сложившиеся названия отражают особенности вероучения старообрядческих течений (согласий): часовенные — от церковной постройки для богослужения (часовни), странники — от требования странствовать в поисках пригодного для спасения души места (о внутриконфессиональном делении староверия, см.: Покровский, 1999).

ской области: а) старообрядческую агиографию и генеалогию, описывающую скитскую стратификацию через терминологию родства и семейной иерархии¹; б) публицистические и делопроизводственные материалы, показывающие жизненный уклад и расположение келий и заимок²; в) опубликованные и неизданные воспоминания староверов, владельческие записи на скитских книгах и исследовательские полевые интервью, дающие информацию для восстановления монашеских династий³, в том числе документы Научного архива Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований (далее — НА ТИГПИ) (НА ТИГПИ, т. 234, д. 95); материалы Научной библиотеки Томского государственного университета. Отдел рукописей и книжных памятников (далее — НБ ТГУ)⁴, а также полевые материалы автора (далее — ПМА), собранные в ходе археографических исследований старообрядческих общин на территории Томской области в период 1987–2024 гг.

Родовая келья: скит в системе семейно-хозяйственных отношений

Модели пустынножительства часовенных и странников формально возникли в рамках конкурирующих концепций замещения духовенства монашеством, но их реализация на практике одинаково должна была учитывать сопротивление сельского социума «уходу от мира» взрослых и трудоспособных. Поэтому представления первых о личной передаче древней благодати через обряд пострига, а вторых — о групповой ответственности «крещённых в странство простецов» за богослужение без священника, не помешали их сообществам называть равноценным принятию иночества в молодом возрасте и глубокой старости, по собственному желанию или семейному решению.

Сходство прослеживается и в визуализации особенного положения монашества. Енисейская горная тайга подходила для малочисленных, разбросанных скитов часовенных с обособленным проживанием руководителей-черноризцев, а обская равнинно-болотистая — для больших конгломераций странников с находящимися вместе с братией наставниками. При этом обе монастырские топографии идеально вписывались в фольклорные легенды о сокровенных местах как с трудом открывающихся «своим» («в келью лбом ткнёшься, только тогда увидишь»⁵) и исчезающих с приближением «чужих»⁶.

Организация пространства, безупречная с точки зрения христианской аскетической литературы и крестьянской логики самообеспечения, оказалась уязвимой перед промышленным развитием сельских территорий в 1950–1980-е гг. Появление вблизи скитов леспромхозов и зверопромхозов⁷ уплотняло разряженную сеть поселений и создавало реальность, в которой физическая изоляция и прежний авторитет им не были гарантированы. В любой момент требование официального трудоустройства

¹ Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. / отв. ред. Н. Н. Покровский. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999; Государственная публичная научно-техническая библиотека — далее ГПНТБ. Тувинское собрание. О.В.5.

² Шамаро А. Кержацкие тропы // Наука и религия. 1959. № 4. С. 68–76; Емельянов А. Ф. От мира не уйти: Документальные повести и очерки. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1984; Государственный архив Томской области — далее ГА ТО, ф. Р-1786, оп. 1, д. 131, 218, 356.

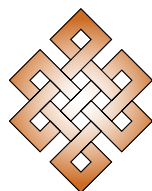
³ Дневник археографической группы Н. Н. Покровского // Урало-Сибирский патерик: тексты и комментарии : в 3-х томах. / отв. ред. Н. Н. Покровский. М. : Издательский Дом ЯСК, 2016. Т. 3. Кн. 2. С. 153–193; Хроника томских селений (по материалам этнографических экспедиций П. Е. Бардиной) / под. ред. Л. М. Плетневой. Томск: Ветер, 2023; Викулов М. С. Краткое описание жизни скитников Чулымской тайги / публ. И. Беневоленского // Томские епархиальные ведомости. 1900. 15 декабря. № 24. С. 8–11.

⁴ Скитская библиотека [Электронный ресурс] // Электронная библиотека (репозиторий) Томского государственного университета. URL: <https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Collection/vital:19990> (дата обращения: 17.04.2025); Living or leaving tradition: textual heritage of the taiga Old Believers' skit (EAP834) [Электронный ресурс] // Endangered Archives Programme. URL: <https://doi.org/10.15130/EAP834> (дата обращения: 17.04.2025); Taiga Old Believer Skit as a Keeper, Restorer and Reader of the Old Cyrillic Book (EAP1308) [Электронный ресурс] // Endangered Archives Programme. URL: <https://eap.bl.uk/project/EAP1308> (дата обращения: 17.04.2025).

⁵ Хроника томских селений (по материалам этнографических экспедиций П. Е. Бардиной) / под. ред. Л. М. Плетневой. Томск : Ветер, 2023. С. 477; Емельянов А. Ф. От мира не уйти: Документальные повести и очерки. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1984. С. 39.

⁶ Об оставленных строениях с потайными ходами и нишами см.: Маслов, П. П. Конец Урянхай // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае — Танну-Тове, урянхайцах — тувинцах, о древности Тувы / сост. С. К. Шойгу. М. : Слово, 2007. Т. 5. С. 722.

⁷ Леспромхоз — лесное промышленное хозяйство, зверопромхоз — звероводческое промысловое хозяйство.

могло превратить деревенских староверов в «кадровых слуг антихристовой власти» (как это случилось с часовенными, см.: Пастухов, 2021), а приказ лесозаготовителям «держаться кержацкой тропы, где поменьше болот» привести трассу прямо к кельям (как произошло со странниками¹).

Вместе с тем давление вряд ли можно назвать однонаправленным — советскому модернистскому проекту противостояла сплочённость сибирских крестьянских семей и скитов, переселявшихся и выживавших вместе, поэтому выход из общины имел свои закономерности. Как показывают биографии представителей старинных старообрядческих родов Тувы, коммунистов и сельских активистов Е. Д. Паздерина и И. Ф. Рукавицына, «избавление от религиозного дурмана» легче шло в отсутствие старших родственников по прямой линии, но превращалось в мучительный выбор, если они находились рядом: «Я ведь тоже неверующий, но у меня отец, мать, старшая сестра игуменья-монашка» (НА ТИГПИ, т. 234, д. 95, л. 9). Лишь использование сотрудничества с советской властью для защиты единоверцев² позволяло таким людям совместить новую жизненную траекторию с привитым с детства пониманием христианского долга перед собой и семьёй.

Учитывая трудности согласования взаимоисключающих идентичностей и многовековой опыт монашеского патронажа мирских семей несложно предположить, что процесс переосмысления проходил, во-первых, под его контролем, во-вторых, с использованием методов дисциплинирования, отвечающих стандартам поведения не-старообрядческой сельской округи. Именно здесь проявили себя этносоциальные особенности Тувы и Томского региона, под влиянием которых общая для монашеской традиции терминология семейного родства (*отец, мать, брат, сестра*) получила в сообществах часовенных и странников разные акцентуации и реализовалась в диаметрально противоположных типах управления.

Исследователями часовенных общин как самостоятельной группы русских колонизаторов Сибири и носителей ярко выраженной идеи патриархальной власти отмечено стремление обосноваться в районах, где контакты с «никонианами» сводились к минимуму (Стороженко, Татаринцева, 2019). Оказываясь в результате в местах проживания индигенных народов с аналогичным отношением к старшинству, доминирующая позиция кровных и духовных родителей в их семейных и религиозных группах не могла быть оспоренной³. Возможно, как раз это обеспечило популярность среди тувинских староверов сокращённой редакции «Родословия часовенного согласия» (ГПНТБ. Тувинское собрание. О.В.5, л. 1–1 об.) — текста, фиксирующего преемственность местной монашеской иерархии, и закрепление принадлежности к одной семье-общине литературными образами Урало-Сибирского Патерика (например, «приехали к потомству отца Савы, в обитель матери Анатолии»⁴).

Поселение томских странников возникло и развивалось в соседстве с Московско-Сибирским трактом и русскими старожильческими и переселенческими деревнями, семейные коллективы которых состояли из равноправных и горизонтально связанных между собой семей братьев и сестёр. Эта социальная среда отвечала представлениям конфессии с не менее ярко выраженными коллективистскими началами о жизни в соответствии с соборными решениями, что закрепило в скитском тезаурусе обращение *старец / старица* к старшим, *братец / сестрица* к равным и младшим и наименование выборных наставников монашескими именами с родовыми отчествами («Александр Иванович», «Зоя Абрамовна» и т. д.: ПМА, Томская область, 1987–2024).

При всей важности символики старшинства очевидно, что солидарность в обеих общинах обеспечивалась не только ею: в частности, длительность ожидания «конца времён» предполагала принятие сложившихся до их возникновения правил природопользования.

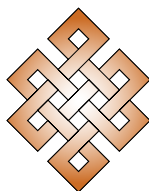
Прежде всего приходилось считаться с тем, что тайга как «ничейная» земля — это иллюзия: задолго до появления русских крестьян-колонистов индигенными этносами была выработана система распределения пригодных для хозяйствования участков с доступом к питьевой воде, ягодным,

¹ Шамаро А. Кержацкие тропы // Наука и религия. 1959. № 4. С. 73.

² Дневник археографической группы Н. Н. Покровского // Урало-Сибирский патерик: тексты и комментарии: в 3-х томах / отв. ред. Н. Н. Покровский. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. Т. 3. Кн. 2. С. 190–192.

³ В анналы атеистической и научной литературы вошёл рассказ об отце, заставившем не помолившихся перед работой детей вернуть сброшенный снег на крышу и начать заново (Зольникова, 2014: 59).

⁴ Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. / отв. ред. Н. Н. Покровский. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. С. 114.

грибным и рыбным местам, ареалам пушных зверей. Включение в неё ввело в русскую аграрную лексику тюркское слово «елань» (алан 'поляна, поле'¹), создало прецеденты покупки земли за пределами деревень (Емельянов, 1981: 109–111) и вместе с ними опорные пункты для регулярной промыслово-земледельческой деятельности — заимки. По мере превращения носителей славянских говоров в сибирских старожилов семантика слова, производного от древнерусского глагола *заяти* / *занять* свободный участок при расселении, трансформировалась во *владеть* сезонным жильём или стационарной усадьбой (Инютина, 2009: 136). Неизменными оставались обычай передачи заимок вместе с закреплёнными за ними угодьями и легализация владельческих прав на основании устных свидетельств и договорённостей.

Эта архаическая практика вхождения мигрирующей группы в локальные сообщества и была задействована староверами для организации скитов на новом месте. Они возникали там, где укоренившиеся русские заимщики соглашались принять монахов на «своих» территориях² или переселявшиеся с ними миряне проявляли гибкость в отношениях с иноэтничными соседями (Татаринцева, 2017).

Видимая извне связка «деревни — заимки — скит» создавала впечатление примитивности и быстрого искоренения методами, испытанными на пастве «никонианских» монастырей (см. об этом: Дубовка, 2020: 44–56). Например, в 1930-е гг. выход виделся в перекрытии дорог между скитами и заимками³, в 1950-е гг. — в ликвидации монашеских поселений (Покровский, 1991: 86–88), в 1960–1970-е гг. — в демонстрации верующим крестьянам преимуществ отказа религии (Данилко, 2021: 70–72). Одинаковую неуспешность мер в отношении скитов странников и часовенных определили два обстоятельства: переоценка советской технологии борьбы с внешне схожими явлениями и недооценка социальной экологии таёжной зоны.

Староверы-заимщики отличались от трудников православных монастырей — тоже причастных к жизни своих обитателей, но ничем им не обязанных (см. о них: Яровая, 2024). За «простотой» их отношений с монахами скрывалась эргономичная форма регулирования численности населения, занятого в поставках пищевых и пушных ресурсов высокой стоимости и обеспечении непрерывности скитского богослужения и обучения.

Неслучайно выделению надела в тайге предшествовало одобрение односельчан-единоверцев («деревенские сначала землю отцу на заимке не давали»⁴), а сам он воспринимался сторонами как плата за риски крестьянской семье, которая должна была оповещать скитников о приближении незнакомцев и утаивать монастырские работы и собственность за своими таёжными владениями. Игнорирование или нарушение обязательств влекло за собой религиозное и экономическое наказание — епитимью, отказ в духовном окормлении и исключение из числа доверенных посредников между скитом и «большим миром».

Строящаяся на этом фундаменте система коммуникаций, управление которой делегировалось монашеству, но в действительности растворялось в повседневных отношениях, оказывалась устойчивой к растущей привлекательности сельско-урбанистической модели потребления. Настроения и суждения — «хорошо бы в Кызыл уехать, жить без дров, а в тепле, и чтоб вода была в доме прямо», «всё купить можно, есть где погулять», «чай вере не мешает»⁵ — не затрагивали оценку семейного и скитского хозяйства как взаимозависимых, что позволило обеим общинам назвать технологические и культурные новшества «простительным грехом» и допустить их в монастырский обиход сообразно

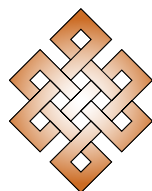
¹ Мурзаев Э. М. Тюркские географические названия. М. : Восточная литература, 1996. С. 146.

² Показательна близость даты регистрации в Томском уезде заимки крестьян Гужихиных в 1826 г. и страннической истории основания скита в «шаговой доступности» от неё в 1836 г. См.: Викулов М. С. Краткое описание жизни скитников Чулымской тайги / публ. И. Беневоленского // Томские епархиальные ведомости. 1900. 15 декабря. № 24. С. 8; Список населённых мест Сибирского края. Новосибирск: [б. и.], 1929. Т. 2. С. 179.

³ Маслов П. П. Конец Урянхай // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае — Тану-Туве, урянхайцах — тувинцах, о древности Тувы / сост. С. К. Шойгу. М. : Слово, 2007. Т. 5. С. 726.

⁴ Хроника томских селений (по материалам этнографических экспедиций П. Е. Бардиной) / под. ред. Л. М. Плетневой. Томск: Ветер, 2023. С. 113.

⁵ Емельянов А. Ф. От мира не уйти: Документальные повести и очерки. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1984. С. 137, 139; ПМА, Томская область, 1988.

со своими моделями легитимации (часовенной: «отец Палладий разрешил», страннической: «старцы решили»).

Пополнение рядов монахов людьми с привычкой к бытовому комфорту сделали нормой визиты родственников, которые теперь не только доставляли заказанное, но и — подчеркну особо — строили и ремонтировали жильё. Уже в 1970-е гг. кельи часовенных и странников выглядели как «новенькие домики» с большими печами, светлыми окнами, оштукатуренные или оклеенные обоями изнутри, «только без радио и электричества»¹.

Участие детей и внуков в превращении келий-землянок в кельи-дома открывало возможность передачи строений по наследству, но не означало автоматической пролонгации программы — «умирать нужно в скиту и под иконами». Возведение жилья «по правилам» и принятие угощения от заказчиков-новосёлов создавали лишь рамочные условия для уважительного отношения молодых горожан и селян к монашескому опыту старшего поколения. Чтобы из эпизодических поездок в скит выросло личное желание продолжить семейную традицию, трудовая помощь должна была сопровождаться практиками с более выраженным религиозным звучанием — присутствием на молениях и вероучительных беседах и обучением чтению на церковно-славянской кириллице².

На мой взгляд, именно дополняющие поездки мирян в скит операции с семейными книгами (объяснение содержания, ремонт, обмен, экспертиза, вклад на «вечную молитву», передача по завещанию и пр.) могут рассматриваться, с одной стороны, как понятное выходцам из старообрядческих семей обозначение принадлежности к родовому «месту спасения», с другой — как инструмент религиозной социализации, позволяющий общине восполнять численность монашествующих.

Семейная книга: «старые», «новые», «будущие» династии

Тонкая грань между семейными и общинными собраниями староверов точно отражена термином «живые библиотеки» (Дергачёва-Скоп, Алексеев, 1992), подчёркивающим глубинную связь между миграциями конфессии и её восприятием христианской книги как тоже требующей постоянного движения. Извне смены владельцев рукописей и старопечатных изданий выглядят хаотичными, но на самом деле они являются элементом древней технологии позиционирования управленческого ядра локальной религиозной сети (Богданов, 2021). Для любого сибирского скита от умения приобщить мирян к пополнению своего книжного фонда зависело выживание в конкурентной среде: комплектность литургических и дидактических текстов говорила о соответствии его устройства монастырскому уставу, регулярность частных пожертвований — об известности, влиятельности и преимуществах «окормления» именно здесь (рис. 1).

Разнообразие мирских мотивов передачи книги (обет, просьба о молитве, финансовый долг, избавление от выморочного имущества и т. д.) предполагает сопоставимую вариативность отношения скита к дарителям как реальным и потенциальным членам монашеской группы. В отсутствии полных сведений об этом³ моделирование процессов восполнения монашествующих в общинах часовенных и странников в 1950–1980-е гг., на мой взгляд, возможно на основе предложенной Т. Блокландт типологии сопричастностей к решению общих задач, описывающей характер и последствия коммуникаций в персональных сетях / *personal networks*, прочных вовлечённостях / *durable engagements* и мимолётных столкновениях / *fluid encounters* (Блокландт, 2023: 86–93). Применение этой модели для соотнесения владельческих записей на отданных книгах с установленными светскими именами монахов даёт основания для дифференциации взаимодействий скита со «своими» и «чужими».

¹ Емельянов А. Ф. От мира не уйти: Документальные повести и очерки. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1984. С. 67–69; ГАТО. Р-1786, оп. 1, д. 131, л. 71–72; д. 218, л. 71–76.

² В странническом скиту однажды поправили мой неуклюже сформулированный вопрос об общинной библиотеке словами: «У нас книжек нет, у нас — книги».

³ Убедительным доказательством принятия мирянином пострига является пересечение имён во владельческих записях на книгах с данными локальной антропотопонимики и списками скитников, составленными представителями власти. Однако проведение этой процедуры имеет серьёзные ограничения: древние манускрипты и издания Московского Печатного двора первой половины XVII в. поступали в таёжные библиотеки со следами многочисленных ремонтов и утраченными записями; до 80% учтённых в официальных списках людей записаны под полученными после пострига именами.

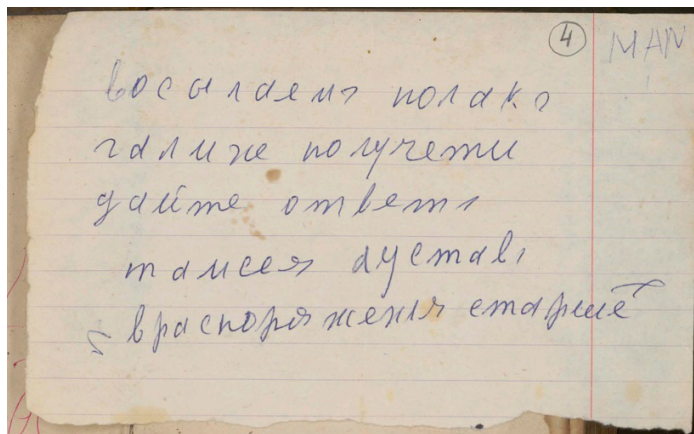

Рис. 1. Записка о передаче книги, 1970–1980-е гг. НБ ТГУ. ОРКП.

Коллекция «Скитская библиотека». В-26122 (вложение¹)

Fig. 1. Note on the transfer of the book, 1970–1980s. National Library of TSU. ORCP.
Skete Library collection. B-26122 (attachment)

Персональные сети и «старые» династии. К числу типичных скитских нарративов относится рассказ такого рода — «У него мать и тётки умерли в тайге, сам каждый год приезжал, много помогал, потом остался жить» (ПМА, Томская область, 1987–2024 гг.). За незатейливостью повествования скрывается важная составляющая старообрядческой идентификации — убеждённость в «извечной» принадлежности семьи к определённой деноминации. Реальность могла быть сложнее: миграции территориально разобщали семейно-родственные коллективы, ветви которых оказывались в разных сообществах. Например, прибывшие в Томскую губернию в 1920-е гг. тюменские часовенные Белослудцевы уже два десятилетия спустя полемизировали от имени страннического скита², Тимофей Глухин, пришедший туда же в 1970-е гг. с семейным Часословом³, после смерти жены уезжает к родственникам-часовенным на р. Безымянку (приток Енисея).

Совпадения фамилий странников и часовенных Обь-Енисейского региона⁴ интересны не только как свидетельство изменчивости родовой памяти в мигрирующих социумах. Сетевой характер расселения (Пригарин, Стороженко, 2022) позволял старообрядческим семьям распределять человеческие ресурсы между городами, деревнями и заимками и принимать монашество частями и в разных скитах. В результате возникала гибкая система, которая, во-первых, страховала от уничтожения выбранного таёжного поселения и раскола в общине, оставляя возможность переезда в другое место, во-вторых, обеспечивала плавное вхождение поколений в скитскую повседневность.

Продуктивное для семейно-родовых коллективов разделение ответственности, тем не менее, несло в себе угрозу для скита как институции и вынуждало нивелировать эмоциональную наполненность межличностных отношений (рис. 2).

Например, у странников только один из его представителей мог занять построенную сообща келью и лишь после смерти обитателя туда заезжал следующий. Данные о длительном послушничестве у часовенных (Татаринцева, 2006: 76) и зафиксированный странническим письмом прецедент

¹ Текст в современной орфографии и пунктуации: «Высылаем полог Галине, получите – дайте ответ Таисии, а Устав — в распоряжение старших»; здесь: полог — строительный укрывной материал; Устав — богослужебная книга с описанием порядка соединения молитв подвижных и неподвижных христианских праздников, правил поста, поведения во время церковной службы.

² НБ ТГУ. ОРКП. Коллекция «Скитская библиотека». В-26418. Полемические послания о браках и вероучении староверов-странников, между 1960–1987 г., л. 1–123, 125–172.

³ Книга с записью на форзаце — «Часослов на память всем живущим в доме из роду в род» — содержит сведения об истории семьи с 1811 по 1918 гг.: НБ ТГУ. ОРКП. Коллекция «Скитская библиотека» В-27177. Часослов. М.: Московская старообрядческая книгопечатня, 1910.

⁴ Сопоставление материалов по тувинским часовенным с имеющимися данными по томским странникам дало следующие пересечения имён: Вахрушевы, Глуховы / Глухины, Горбуновы, Мельниковы, Мерзляковы, Месниковы / Мясниковы, Соколовы, Субботины, Фомины / Фоминых, Шмаковы.

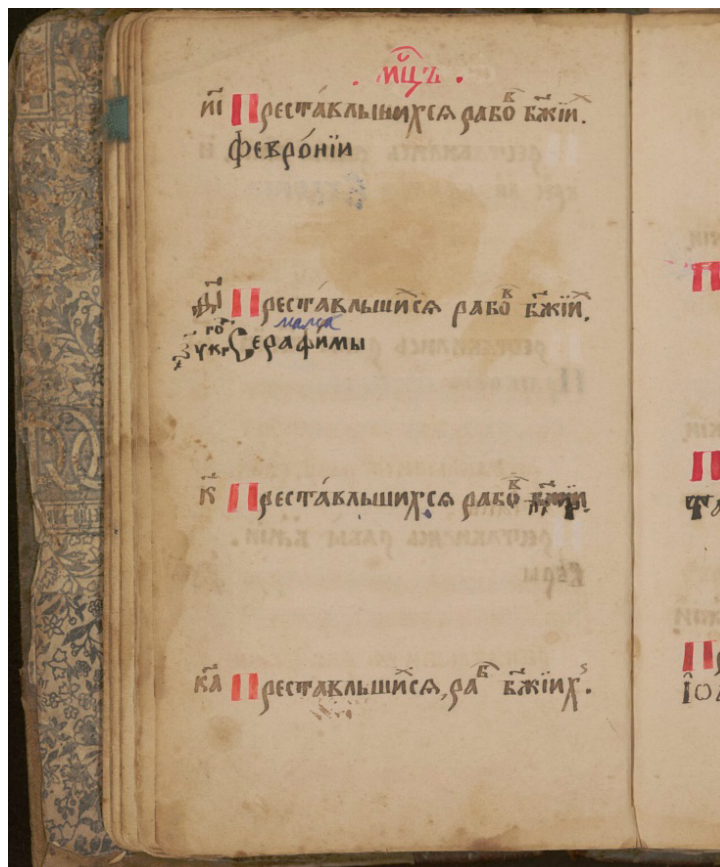
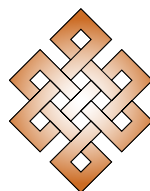

Рис. 2. Скитской синодик с надписью над основным текстом «мама», 1960-е гг. НБ ТГУ. ОРКП.

Коллекция «Скитская библиотека». В-26103, л. 40 об.

Fig. 2. The Synod of the Skete with the inscription "mama" above the main text, 1960's. National Library of TSU. ORCP.
Collection "Skete library". В-26103, l. 40 vol.

«бабки не разрешают келью Валентину строить, он живёт в избе»¹ указывают на регулирование сроков принятия монашества родственниками.

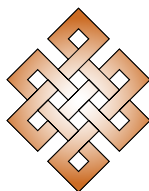
Насколько достаточными эти — в целом традиционные — приёмы оставались в 1950–1980-е гг., в условиях объективной трансформации старообрядческой модели семьи? Книги, пришедшие вместе с владельцами в страннический скит, показывают вектор адаптации к расщеплению больших семейных коллективов на нуклеарные звенья и растущему числу браков с «никонианами» и «атеистами». Вопреки монастырскому уставу община разрешила приезды внуков-школьников на каникулы, даже если после их визитов на богослужбных книгах оставались рисунки и записи², и не требовала отказа от личных привязанностей: инок Василий переименовывает один из текстов своего «Канонника», назвав его молитвой за умершую жену³.

Подспудное обучение мирских родственников правилам поведения в скиту и сбережение памяти о пережитом, видимо, могут считаться интуитивно найденными способами реставрации деформирующихся под влиянием урбанизации монашеских установок в городских и сельских семьях староверов, исторически связанных со скитами. Функционал знакомой с детства «намоленной» книги

¹ Письмо находилось в рукописи: НБ ТГУ. ОРКП. Коллекция «Скитская библиотека». В-27169. Псалтирь с воследованием. 1925 г. (с дополнениями 1944 г.)

² См. детские записи на рис. 1 — «это песала Маря», «мы за мир» (1970–1980-е гг.): НБ ТГУ. ОРКП. Коллекция «Скитская библиотека». В-27178. Цветная Триодь. М.: Московская старообрядческая книгопечатня, 1912, л. 25 об., 41 об.

³ НБ ТГУ. ОРКП. Коллекция «Скитская библиотека». В-26103. Канонник: конволют. 1900–1918 гг.; 1980–1990-е гг., л. 40 об.

этим не исчерпывался: физические практики обращения с ней (открытие — прочитывание — закрывание, прикосновение к переплету и пожелтевшим от времени листам) в концепции «материального поворота» интерпретируются как формы тактильного и визуального освоения богослужебного текста бывшим мирянином¹, нынешнее положение которого обязывало совершать ритуал без рукоположенного священства и не только для членов собственной семьи.

Прочные вовлеченности и «новые» династии. В отличие от религиозных персональных сетей, целостность которых подкрепляется знанием вероучения и кодекса поведения, этот тип сопричастности образуют внеконфессиональные взаимодействия, изначально не предполагающие членства в общине и принятия её жизненного стиля.

Неизбежными для скитов часовенных и странников коммуникации такого рода сделали общестрановые фоновые факторы 1950–1970-х гг. — «религиозный ренессанс» (Смолкин, 2021: 142–196) и разложение экономики деревни вследствие проведённой директивными методами агропромышленной и расселенческой политики (Бегзи, 2017: 103–105; Усольцева, 2018: 170–195). Первый из них возродил давнюю проблему сибирского православия — слишком мало храмов на большой регион, второй — привёл к мировоззренческому разлому сибирского сельского социума и выделению небольшой активной группы, которая предпочла навязанному патернализму выживание «за пределами государства». В итоге скиты получили новых соседей — светских заимщиков, расположенных к принятию старообрядческих норм поведения (начинать день и дело с молитвы, говорить «Благодарю» вместо «Спасибо» и пр.), но потенциально несущих в себе риски для религиозной системы с реципрокным (дарообменным) типом связей.

Вовлечение их в коммуникации со скитом облегчила обоюдная заинтересованность в соглашениях и характерная для таёжного хозяйствования фрагментация взаимодействий. «Разделённой личности» промысловика, перемещающегося между пространственно удалёнными объектами (избушками, базами, домами, квартирами, причалами) и меняющего «свои различные ипостаси в контексте разных социальных отношений» (Рахманова, 2024: 50), соответствовала организация скита как иерархически устроенного сообщества, страты которого тоже существовали в символических и физических переходах — от послушничества к постригу, от молитвы в келье к работе в мастерской, на огороде, ближних и дальних угодьях и пасаках.

Повторяемость контактов для части заимщиков означала движение к пластичным формам идентичностей — не монашеским в строгом смысле слова, но уже не вполне светским и религиозно нейтральным, для скитников — ранжирование коммуникантов по степени доверия к скиту как альтернативному церковному институту. Следствием этих процессов стало включение лояльных в «защитный пояс» келий, число посредников по реализации собранных монахами дикоросов (Дутчак, 2021: 106), за которым следовали приглашение на разрешённые уставом моления и «практико-ориентированное» обучение (рис. 3).

Эта группа расширила семейный состав монахов и одновременно стала катализатором для переосмысления миссии старообрядческого иночества, дополнив её передачей скитам опеки над больными и пожилыми родственниками. Отход от прежних правил — «тайга принимает только по вере», «хоронить нужно под кедёркой»² — уже в 1980-е гг. демонстрирует появление могил с крестами (рис. 4) и рассказов «раньше работал шофёром в больнице, и вся она приезжала его хоронить» (ПМА, Томская область, 1989 г.).

Вряд ли эти изменения стоит связывать исключительно с присутствием светских заимщиков рядом со скитами. Незрелость институтов призрения создавала условия для прагматичного подхода крестьянского мира к монастырям, описанного на материалах XVII века (Богословский, 1909: 80–82), но его возрождение во второй половине XX в. обеспечило доминирование в составе «старых» и «новых» династий людей со светскими представлениями о культуре поминовения.

На этом фоне заслуживают разбора последствия коммуникаций скитников с теми, кто случайно оказывался вблизи таёжных поселений и до встречи зачастую не подозревал об их существовании, —

¹ Культурные и психологические аспекты работы мирянина с богослужебной книгой описаны в исследовании М. П. Браун (Brown, 2010).

² Здесь иносказание: «под кедёркой» (под кедром) — не отмечая могилы, не выдавая присутствие живущих в лесу людей.

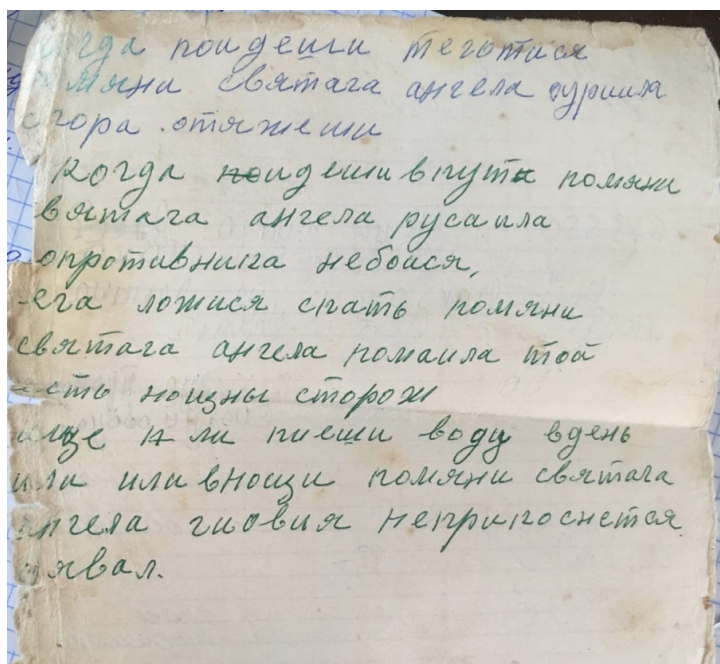
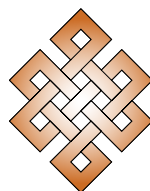
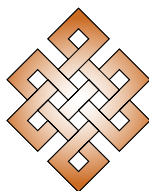

Рис. 3. Заговор «на власть», 1970–1980-е гг. НБ ТГУ. ОРКП.
 Коллекция «Скитская библиотека». В-26122 (вложение)
 Fig. 3. The Spell "To power", 1970–1980es. National Library of TSU. ORCP.
 Skete Library collection. В-26122 (attachment)

Рис. 4. Скитское кладбище, Томская область. Фотография автора, 1989 г.
 Fig. 4. Skete cemetery, Tomsk region. Photo of the author, 1989.

¹ Текст атрибутирован О. Б. Христофоровой, читался как защита от властей или для получения нужного решения, находился в: НБ ТГУ. ОРКП. Коллекция «Скитская библиотека». В-27168. Канонник. Вильно: тип. Свято-Троицкого униатского монастыря, 1794.

работниками лесозаготовительных предприятий, сотрудниками геологоразведочных партий, искавшими заработок или развлечения горожанами.

Мимолётные столкновения и «будущие» династии. Спонтанное общение обычно воспринимается как нечто незначительное и не требующее продолжения, однако это утверждение верно отчасти.

Во-первых, оборотной стороной атеистических пропагандистских мероприятий стал социальный запрос на знание о старовойне как национальной религии, выполненный советскими просветительскими и литературными проектами: первое послевоенное издание романа А. И. Мельникова-Печерского «В лесах» выходит в 1955 г. «сразу рассчитанным на массовое чтение трёхсоттысячным тиражом»¹, выпуски написанного в 1963 г. А. Т. Черкасовым романа «Хмель» в 1970–1980-е гг. суммарно составляют три миллиона экземпляров (Самотик, 2010: 58). Неслучайно современные респонденты, пришедшие в конфессию взрослыми, называют художественные произведения первоисточником своего интереса (Бойцова, 2024: 150).

Во-вторых, разрушение религиозной идентичности «бывших верующих» вследствие смены окружения происходило не так легко, как рисовалось советской публицистикой. Должно было пройти несколько десятилетий, чтобы полученная в наследство книга стала в их семьях «мемориальным, иногда сакральным предметом, полностью утрачивая обучающую функцию» (Базаров, Бураева, 2015: 27). В период урбанизации процесс только начинался, и заложенная домашним воспитанием установка — «если икона — надо молиться, если книга — читать, чтоб не как игрушка была» (ПМА, Томская область, 2000) ещё оставалась прямым руководством к действию.

В связи с этим любопытно внешнее сходство 12 старообрядческих и единоверческих изданий 1887–1916 гг. из библиотеки странников². С одной стороны, их слишком новые и чистые листы формируют стойкое убеждение — книги никогда не читались, с другой стороны — их переплёты восстановлены в схожей с прочими скитскими книгами манере. Этот корпус богослужебных и учительных текстов не мог быть приобретён по инициативе общины, признававшей только выпущенную до 1653 г. типографскую продукцию, но полностью отвечает старообрядческим нормам — книга с атрибутивными признаками дореформенного православия должна находиться в «правильном месте» — по обычаю страннического скита начинать обучение неофитов с освоения техники её ремонта (Дутчак, Васильев, 2023).

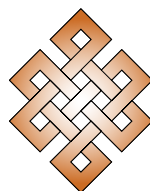
Взаимодействия со скитами, возникшие на общей принадлежности к старовойне, лишь в отдельных случаях могли вылиться в персональные и прочные вовлечённости, но как раз они прекрасно иллюстрируют тезис — «религия “передаётся” людям только одним путём, и путь этот наследственный» (Буайе, 2018: 424). Именно сохранение сельскими культурными ландшафтами черт семейно-хозяйственных отношений (Любимова, 2021) стало основой того, что монашеские институты, маркируемые в советский период как политически неблагонадёжная и культурно отсталая среда, не утратили способность к самовосстановлению.

Заключение

Длительность существования скитских поселений тувинских часовенных и томских странников (100 и 200 лет соответственно) даёт возможность для определения «точек сборки» групповой солидарности разновозрастного и пространственно рассредоточенного между тайгой, деревней и городом коллектива монахов и мирян.

¹ Аннинский Л. А. Три еретика. Повести о А. Ф. Писемском, П. И. Мельникове-Печерском, Н. С. Лескове. М.: Книга, 1988. С. 192.

² НБ ТГУ. ОРКП. Коллекция «Скитская библиотека». В-27245. Пролог (сентябрь — ноябрь). М.: тип. Преображенского кладбища, 1910; В-26126. Службы недель вайи, Пасхи и Антипасхи. М.: тип. Преображенского кладбища, 1911; В-27176. Шестоднев. М.: Христианская тип. при Преображенском богадельном доме, 1915; В-26413. Каноны за единоумершего и умерших. М.: тип. Преображенского кладбища, 1916; В-27178. Триодь цветная. М.: Московская старообрядческая книгопечатня, 1912; В-24928 и В-27165. Евангелие учительное. М.: тип. единоверцев при Троицкой Введенской церкви, [1880–1910-е гг.]; В-27166. Евангелие толковое. М.: тип. единоверцев при Троицкой Введенской церкви, [1880–1910-е гг.]; В-27175. Маргарит. М.: тип. единоверцев при Троицкой Введенской церкви, 1901; В-27392. Златоуст. Без м. и., [1870–1910-е гг.]; В-26414. Сын церковный. Без м. и., [не ранее 1887 г.]; В-26125. Житие Василия Нового. Без м. и., [1890–1910-е гг.].

Прежде всего, к ним следует отнести хозяйственные и культурные практики, восходящие к ключевому для традиционной религиозности концепту «большой семьи» и представлениям о том, что её собственность не ограничена материальной сферой, а права наследования равно распространяются на старших и младших, кровных и духовных родственников. Возникающее на этой основе различие вещей-пожитков и вещей-идей показывает, что социальную энергию системе давала социальная инерция семейно-родовых и семейно-символических сетей человеческого доверия, религиозного контроля и хозяйственных обязательств, переплетающихся подобно паутине с многочисленными узлами и переходами. Хотя это позволяло коллективу импровизировать лишь в заданном формате и рамках, но и берегло его целостность при отсутствии харизматического лидера.

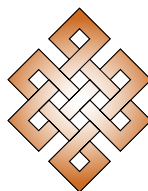
Окончательно сформированное в период урбанизации предназначение скита как держателя родовых «мест спасения» и хранителя семейных «намоленных» книг говорит о серьёзных сдвигах в понимании старообрядческой миссии спасения дореформенного православия, ещё на рубеже XIX-XX вв. представляющую собой широкую конфессиональную программу. Вместе с тем именно сужение целей и апеллирование к локально ограниченным памяти и опыту — «наши предки жили здесь, теперь мы живём» — стало для современной скитской культуры не только каналом воспроизводства традиции, но и способом защиты от избыточного разнообразия внешнего мира.

Благодарности

Автор благодарна Алёне Александровне Стороженко за помощь в поиске материалов о сельской жизни Тувы и консультации по составу скитских династий Обь-Енисейского региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Базаров, А. А., Бураева, С. В. (2015) Семейная книга и забайкальская идентичность // Библиосфера. № 1. С. 21–27.
- Бегзи, А. Д. (2017) Экономика советской Тувы: достижения, проблемы и уроки // Новые исследования Тувы. № 4. С. 94–108. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2017.4.5>
- Блокландт, Т. (2023) Сообщество как городская практика / пер. с англ. Н. Проценко. М. : Новое литературное обозрение. 232 с.
- Богданов, В. П. (2021) Старопечатные книги библиотеки церкви Похвалы Пресвятой Богородицы в Орле-Городке (с. Орлинском) // Исторический журнал: научные исследования. № 1. С. 137–150.
- Богословский, М. М. (1909) Земское самоуправление на русском Севере в XVII в.: в 2-х т. М. : Синодальная типография. Т. 1. 425 с.
- Бойцова, А. А. (2024) Синдром неопита: проблема религиозного диалога внутри старообрядчества // Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии. № 4. С. 144–154. DOI: <https://doi.org/10.28995/2658-4158-2024-4-144-154>
- Буайе, П. (2018) Объясняя религию: Природа религиозного мышления / пер. с франц. М. Дятовой. М. : Альпи-на нон-фикшен. 496 с.
- Данилко, Е. С. (2021) Тувинские старообрядцы на страницах советской периодики // Новые исследования Тувы. № 3. С. 61–74. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.5>
- Дергачева-Скоп, Е. И., Алексеев, В. Н. (1992) Старообрядческие библиотеки Сибири (проблемы реконструкции) // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки / отв. ред. Н. Н. Покровский, Р. Моррис. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение. 320 с. С. 125–130.
- Дубовка, Д. Г. (2020) В монастырь с миром. В поисках светских корней современной духовности. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 208 с.
- Дутчак, Е. Е. (2019) Сибирские старообрядческие скиты и их паства на рубеже 1920–1930-х гг. // Новые исследования Тувы. № 3. С. 29–43. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.3>
- Дутчак, Е. Е. (2021) Скитская экономика в культурном ландшафте таежной Сибири: дар, милостыня, товар // Новые исследования Тувы. № 3. С. 99–110. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.8>
- Дутчак, Е. Е., Васильев, А. В. (2023) Новые материалы к дискуссии о старообрядческой грамотности // Вестник Томского государственного университета. № 489. С. 80–87.
- Емельянов, Н. Ф. (1981) Заселение русскими Среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск : Издательство Томского университета. 181 с.

Зольникова, Н. Д. (2014) Тувинские черноризцы XX в. в атеистической литературе и урало-сибирском старообрядческом патерике // Гуманитарные науки в Сибири. № 3. С. 56–60.

Инютина, Л. А. (2009) Семантическая история пространственного наименования в одной лексико-фразеологической системе (начало XVII — начало XX вв.): принципы и методика анализа // Сибирский филологический журнал. № 1. С. 130–140.

Любимова, Г. В. (2021) Структура и динамика сельских культурных ландшафтов. Обзор отечественной и англоязычной литературы // Гуманитарные науки в Сибири. Т. 28. № 2. С. 5–12.

Недзьведзь, А. (2016) От «народной религиозности» к «проживаемой религии»: дискуссия в польской антропологии религии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. № 3 (34). С. 172–188.

Пастухов, К. С. (2021) Хозяйственные практики сельских старообрядцев Тувы на рубеже 1950–1960-х гг. // Социальные и гуманитарные исследования сегодня: непредсказуемо прошлое, неопределённое будущее: сборник материалов конференции / отв. ред. Д. Н. Шевелёв, И. А. Дунбинский. Томск : Издательство Томского государственного университета. 613 с. С. 509–515.

Поздеева, И. В. (1978) Задачи и особенности работы экспедиций, собирающих памятники кириллической книжности (Из опыта работы археографов Московского государственного университета) // Археографический ежегодник за 1977 г. / отв. ред. С. О. Шмидт. М. : Наука. 390 с. С. 56–61.

Покровский, Н. Н. (1991) За страницей «Архипелага ГУЛАГ» // Новый мир. № 9. С. 77–103.

Покровский, Н. Н. (1999) Пути изучения истории старообрядчества российскими исследователями // Археографический ежегодник за 1998 г. / отв. ред. С. О. Шмидт. М. : Наука. 428 с. С. 3–20.

Пригарин, А. А., Стороженко, А. А. (2022) Традиционные варианты сетевых сообществ в доцифровую эпоху: староверы-часовенные Сибири поданным похозяйственных книг 1920–1950-х гг. // Сибирские исторические исследования. № 4. С. 54–76. DOI: <https://doi.org/10.17223/2312461X/38/4>

Рахманова, Л. Я. (2024) Дивид на заимке, заимка как дивид: этнография сибирской избушки сквозь призму женского отсутствия // Этнографическое обозрение. № 6. С. 41–65. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869541524060035>

Самотик, Л. Г. (2010) Архаизация языка художественного текста как приём создания образа старообрядческой речевой среды // Язык и социальная динамика. № 10. С. 58–64.

Смилянская, Е. Б. (2013) Книжная премудрость и избрание пути спасения старообрядцами Верхотамья на рубеже XX–XXI вв. // Вестник Томского государственного университета. Серия «История». № 1 (21). С. 36–43.

Смолкин, В. (2021) Свято место пусто не бывает: история советского атеизма / пер. с англ. О. Б. Леонтьевой, науч. ред. М. Ю. Смирнов. М. : Новое литературное обозрение. 552 с.

Соколовский, С. В. (2017) «Онтологический поворот» и исследования материальной культуры // Российская антропология и «онтологический поворот» / отв. ред. С. В. Соколовский. М. : ИЭА РАН. 404 с. С. 329–403.

Социология вещей: сборник статей (2006) / под ред. В. Вахштайна. М. : Территория будущего. 390 с.

Стороженко, А. А., Татаринцева, М. П. (2019) Прекрасная пустыня, прими меня в свою частыню! Старообрядческие скиты в верховье Енисея // Традиционная культура. Т. 20. № 2. С. 88–97. DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2019.20.2.007>

Татаринцева, М. П. (2017) Особенности земледелия русских переселенцев в Туву в начале XX века // Новые исследования Тувы. № 1. С. 151–161. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2017.1.10>

Татаринцева, М. П. (2006) Старообрядцы в Туве: Историко-этнографический очерк. Новосибирск : Наука. 216 с.

Тиникова, Е. Е. (2019) Половозрастная структура населения городов Южной Сибири в середине XX — начале XXI вв. // Genesis: исторические исследования. № 2. С. 74–87.

Усольцева, О. В. (2018) Сельская поселенческая сеть Томской области (1940–1980 гг.). Томск : ООО «Издательство ДЕМОС». 268 с.

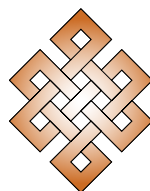
Яровая, П. Р. (2024) Труд и работа в этике современного православия: восстановление крестьянского дома, монастыря и Святой Руси // Этнографическое обозрение. № 6. С. 81–96. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869541524060057>

Brown, M. P. (2010) Hand Piety; or, Operating a Book in Early New England // Cultural Narratives: Textuality and Performance in American Culture Before 1900 / eds. S. M. Gustafson and C. F. Sloat. Notre Dame : University of Notre Dame Press. 400 p. Pp. 14–33.

Knibbe, K., Kupari H. (2020) Theorizing lived religion: introduction // Journal of Contemporary Religion. Vol. 35. Issue 2. P. 157–176. DOI: <https://doi.org/10.1080/13537903.2020.1759897>

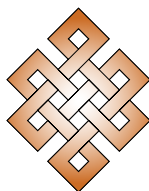
Дата поступления: 22.04.2025 г.

Дата принятия: 11.05.2025 г.

REFERENCES

- Bazarov, A. A. and Buraeva, S. V. (2015) Family book and Trans-Baikal identity. *Bibliosfera*, no. 1, pp. 21–27. (In Russ.)
- Begzi, A. D. (2017) The economy of Soviet Tuva: achievements, problems, and lessons. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 94–108. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2017.4.5>
- Bloklandt, T. (2023) *Community as an urban practice*. Transl. from English by N. Protsenko. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 232 p. (In Russ.)
- Bogdanov, V. P. (2021) Old-printed books of the Church of the Praise of the Most Holy Mother of God library in Orël-Gorodok (Orlinskoye village). *Istoricheskiy zhurnal: nauchnye issledovaniya*, no. 1, pp. 137–150. (In Russ.)
- Bogoslovsky, M. M. (1909) *Zemstvo self-government in the Russian North in the 17th century*: in 2 vols. Moscow, Synodal Typography. Vol. 1. 425 p. (In Russ.)
- Boitsova, A. A. (2024) Neophyte syndrome: the problem of religious dialogue within Old Believers. *Studia Religiosa Rossica: nauchnyy zhurnal o religii*, no. 4, pp. 144–154. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.28995/2658-4158-2024-4-144-154>
- Boyer, P. (2018) *Explaining religion: The nature of religious thought*. Transl. from French by M. Dyasyatova. Moscow, Alpina non-fiction. 496 p. (In Russ.)
- Danilko, E. S. (2021) Tuvan Old Believers in Soviet periodicals. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 61–74. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.5>
- Dergacheva-Skop, E. I. and Alekseev, V. N. (1992) Old Believer libraries of Siberia (problems of reconstruction). In: Pokrovsky, N. N. and Morris, R. (eds.) *Traditional spiritual and material culture of Russian Old Believer settlements in Europe, Asia and America*. Novosibirsk, Nauka, Siberian Branch. 320 p. Pp. 125–130. (In Russ.)
- Dubovka, D. G. (2020) *To monastery in peace. In search of the secular roots of modern spirituality*. St Petersburg, European University at St Petersburg Press, 208 p. (In Russ.)
- Dutchak, E. E. (2019) Siberian Old Believer sketes and their communities at the turn of the 1920s–1930s. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 29–43. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.3>
- Dutchak, E. E. (2021) Skete economy in the cultural landscape of taiga Siberia: gift, alms, commodity. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 99–110. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.8>
- Dutchak, E. E. and Vasiliev, A. V. (2023) New materials for the discussion on Old Believer literacy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 489, pp. 80–87. (In Russ.)
- Emelyanov, N. F. (1981) *Settlement of the Middle Ob region by Russians in the feudal epoch*. Tomsk, Tomsk University Press. 181 p. (In Russ.)
- Zolnikova, N. D. (2014) Tuvan black-robed monks of the 20th century in atheist literature and in the Ural-Siberian Old Believer paterik. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, no. 3, pp. 56–60. (In Russ.)
- Inyutina, L. A. (2009) Semantic history of a spatial denomination in one lexico-phraseological system (early 17th – early 20th cc.): principles and methods of analysis. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal*, no. 1, pp. 130–140. (In Russ.)
- Lyubimova, G. V. (2021) The structure and dynamics of rural cultural landscapes. A review of Russian and English-language literature. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, vol. 28, no. 2, pp. 5–12. (In Russ.)
- Nedzvedz, A. (2016) From “popular religiosity” to “lived religion”: the discussion in Polish anthropology of religion. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, no. 3(34), pp. 172–188. (In Russ.)
- Pastukhov, K. S. (2021) Economic practices of rural Old Believers of Tuva at the turn of the 1950s–1960s. In: Shevelev, D. N. and Dunbinskiy, I. A. (eds.) *Social and humanitarian research today: the unpredictable past, the uncertain future*. Conference proceedings. Tomsk, Tomsk State University Press. 613 p. Pp. 509–515. (In Russ.)
- Pozdeeva, I. V. (1978) Tasks and specific features of expeditions collecting monuments of Cyrillic book culture (experience of expeditions of Moscow State University archeographers). In: Shmidt, S. O. (ed.) *Archaeographic Yearbook for 1977*. Moscow, Nauka. 390 p. Pp. 56–61. (In Russ.)
- Pokrovsky, N. N. (1991) Beyond the pages of “The Gulag Archipelago”. *Novyy mir*, no. 9, pp. 77–103. (In Russ.)
- Pokrovsky, N. N. (1999) Ways of studying the history of Old Belief by Russian researchers. In: Shmidt, S. O. (ed.) *Archaeographic Yearbook for 1998*. Moscow, Nauka. 428 p. Pp. 3–20. (In Russ.)
- Prigarin, A. A. and Storozhenko, A. A. (2022) Traditional types of network communities in the pre-digital epoch: Siberian Chapel Old Believers according to household registers of the 1920s–1950s. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, no. 4, pp. 54–76. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17223/2312461X/38/4>
- Rakhmanova, L. Ya. (2024) Dividend in the taiga cabin, cabin as dividend: an ethnography of Siberian huts through the prism of female absence. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 6, pp. 41–65. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869541524060035>
- Samotik, L. G. (2010) Archaization of the language of fictional texts as a device for constructing the image of the Old Believer speech milieu. *Yazyk i sotsial'naya dinamika*, no. 10, pp. 58–64. (In Russ.)

Smilyanskaya, E. B. (2013) Ecclesiastical wisdom and the choice of the path of salvation by Old Believers in Verkho-Kamye at the turn of the 20th–21st cc. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Istoriya"*, no. 1(21), pp. 36–43. (In Russ.)

Smolkin, V. (2021) *There is no empty holy place: a history of Soviet atheism*. Transl. from English by O. B. Leontieva, ed. by M. Yu. Smirnov. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 552 p. (In Russ.)

Sokolovsky, S. V. (2017) The “ontological turn” and studies of material culture. In: Sokolovsky, S. V. (ed.) *Russian anthropology and the “ontological turn.”* Moscow, Institute of Ethnology and Anthropology RAS. 404 p. Pp. 329–403. (In Russ.)

Vakhshtein, V. (ed.) (2006) *Sociology of things: collected articles*. Moscow, Territoriya budushchego, 390 pp. (In Russ.)

Storozhenko, A. A. and Tatarintseva, M. P. (2019) Wonderful desert, accept me into your community! Old Believer sketes in the upper Yenisei. *Traditsionnaya kultura*, vol. 20, no. 2, pp. 88–97. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2019.20.2.007>

Tatarintseva, M. P. (2017) Features of agriculture of Russian settlers in Tuva in the early 20th century. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 151–161. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2017.1.10>

Tatarintseva, M. P. (2006) *Old Believers in Tuva: A historical-ethnographic essay*. Novosibirsk, Nauka. 216 p. (In Russ.)

Tinikova, E. E. (2019) Age and gender structure of the population of Southern Siberian towns in the mid-20th — early 21st centuries. *Genesis: istoricheskie issledovaniya*, no. 2, pp. 74–87. (In Russ.)

Usol'tseva, O. V. (2018) *Rural settlement system of Tomsk Region (1940–1980)*. Tomsk, Demos Publishing. 268 p. (In Russ.)

Yarovaya, P. R. (2024) Labour and work in the ethics of contemporary Orthodoxy: reconstruction of the peasant home, monastery and Holy Rus'. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 6, pp. 81–96. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869541524060057>

Brown, M. P. (2010) Hand Piety; or, Operating a Book in Early New England. In: *Cultural Narratives: Textuality and Performance in American Culture Before 1900* / eds. S. M. Gustafson and C. F. Sloat. Notre Dame, University of Notre Dame Press. 400 p. Pp. 14–33.

Knibbe, K., Kupari H. (2020) Theorizing lived religion: introduction. *Journal of Contemporary Religion*, vol. 35, issue 2, pp. 157–176. DOI: <https://doi.org/10.1080/13537903.2020.1759897>

Submission date: 22.04.2025.

Acceptance date: 11.05.2025.